

Western
Music

Don Wright Faculty of Music

STUDENT RECITAL

“From Requiem to Renewal”

June 2nd, 2025

2PM, von Kuster Hall

Shantanu Thaivalappil, *basso profondo*

Simone Luti, *piano*

Confutatis

(Bass Aria from *Messa da Requiem*)

Giuseppe Verdi

(1813 – 1901)

Vier ernste Gesänge (Four Serious Songs), Op. 121

Johannes Brahms

(1833 – 1897)

I. Denn es gehet dem Menschen wie dem Vieh

II. Ich wandte mich, und sahe an

III. O Tod, wie bitter bist du

IV. Wenn ich mit Menschen- und mit Engelszungen

(10 Minute) Intermission

Песни и пляски смерти (Songs and Dances of Death)

Modest Mussorgsky

(1839 – 1881)

I. Колыбельная (Lullaby)

II. Серенада (Serenade)

III. Треник (Trenak)

IV. Полководец (The Field Marshall)

Ave Maria

Franz Schubert

(1797 – 1828)

Without a song

(From the musical *Great Day*)

Vincent Youmans

(1898 – 1946)

*This recital is presented in partial fulfillment of the requirements for the
Doctor of Musical Arts (Voice Performance) degree.*

Song texts and translations

Bass Aria from Verdi's <i>Messa da Requiem</i>	
Confutatis maledictis, flammis acribus addictis, voca me cum benedictis. Oro supplex et acclinis, cor contritum quasi cinis: gere curam mei finis.	When the damned are silenced, and given to the fierce flames, call me with the blessed ones. I pray, suppliant and kneeling, with a heart contrite as ashes: take my ending into your care.
Brahms' <i>Four Serious Songs</i> (Text source: Ecclesiastes 3:19-22; Ecclesiastes 4:1-3; Ecclesiasticus (Sirach), 41:1-2; Corinthians 13.)	
1 Denn es gehet dem Menschen wie dem Vieh, wie dies stirbt, so stirbt er auch; und haben alle einerlei Odem; und der Mensch hat nichts mehr denn das Vieh: denn es ist alles eitel. Es fährt alles an einen Ort; es ist alles von Staub gemacht, und wird wieder zu Staub. Wer weiss, ob der Geist des Menschen aufwärts fahre, und der Odem des Viehes unterwärts unter die Erde fahre? Darum sahe ich, daß nichts bessers ist, denn dass der Mensch fröhlich sei in seiner Arbeit, denn das ist sein Teil. Denn wer will ihn dahin bringen, dass er sehe, was nach ihm geschehen wird?	1 For it is the same with man as with cattle, as these die, so dies he; and they all have the same breath; and man has nothing more than cattle: for all is vanity. Everything goes to one place; all things are made of dust, and returns to dust. Who knows whether the spirit of man will go upwards and the breath of cattle goes downwards under the earth? Therefore, I see that there is nothing better, except that man should rejoice in his labor, for that is his portion. For who will bring him there? to see what will happen after him?

2 Ich wandte mich und sahe an, alle, die Unrecht leiden unter der Sonne; Und siehe, da waren Tränen derer, Die Unrecht litten und hatten keinen Tröster; Und die ihnen Unrecht taten, waren zu mächtig, Dass sie keinen Tröster haben konnten. Da lobte ich die Toten, Die schon gestorben waren Mehr als die Lebendigen, Die noch das Leben hatten; Und der noch nicht ist, ist besser, als alle beide, Und des Bösen nicht inne wird, Das unter der Sonne geschieht.	2 I turned around and saw, all, who suffer injustice under the sun; And behold, there were tears of those, Who suffered injustice and had no comforter; And those who wronged them were too powerful, That the victims could have no comforter. Then I praised the dead, Who had already died More than the living, Who still had life; And he who is not yet [born] is better than both, And is not conscious of evil, That is done under the sun.
3 O Tod, wie bitter bist du, Wenn an dich gedenket ein Mensch, Der gute Tage und genug hat Und ohne Sorge lebet; Und dem es wohl geht in allen Dingen Und noch wohl essen mag! O Tod, wie bitter bist du. O Tod, wie wohl tust du dem Dürftigen, Der da schwach und alt ist, Der in allen Sorgen steckt, Und nichts Bessers zu hoffen, Noch zu erwarten hat! O Tod, wie wohl tust du!	3 O death, how bitter you are, When a man remembers you, Who has good days and enough And lives without care; And who is well in all things And may still eat well! O death, how bitter you are [to such a person]. O death, how good thou art to the poor, Who is weak and old, Who puts up with all sorrows, And has nothing better to hope for, Nor anything better to expect! O death, how well you do [for them]!
4 Wenn ich mit Menschen - und mit Engeln redete, und hätte der Liebe nicht, so wär' ich ein tönend Erz oder eine klingende Schelle. Und wenn ich weissagen könnte, und wüßte alle Geheimnisse und alle Erkenntnis; und hätte allen Glauben,	4 If I talked to people - and with tongues of angels, and had not love, then I would be a sounding brass or a tinkling bell. And if I could prophesy and knew all mysteries and all knowledge, and had all faith,

also daß ich Berge versetzte; und hätte der Liebe nicht, so wäre ich nichts. Und wenn ich alle meine Habe den Armen gäbe und ließe meinen Leib Brennen, und hätte der Liebe nicht, so wäre mir's nichts nütze. Wir sehen jetzt durch einen Spiegel in einem dunkeln Worte, dann aber von Angesicht zu Angesichte. Jetzt erkenne ich's stückweise; dann aber werd' ich's erkennen, gleich wie ich erkannt bin. Nun aber bleibet Glaube, Hoffnung, Liebe, diese drei; aber die Liebe ist die größte unter ihnen.	so that I could move mountains; And if I had not love, I should be nothing. And if I gave all my possessions to the poor and let my body burn, and if I had not love, I should be nothing. We now see through a mirror in a dark word, but then face to face. Now I recognize it bit by bit; but then I will recognize it, just as I am recognized. But now faith, hope and love remain, these three; but love is the greatest of them all.
---	--

Mussorgsky's Songs and Dances of Death
Poetry by: Arseny Arkad'yevich Golenishchev-Kutuzov (1848 – 1913)

01 - Колыбельная Стонет ребёнок... Свеча, нагорая, Тускло мерцает кругом. Целую ночь колыбельку качая, Мать не забылася сном. Раным-ранёхонько в дверь осторожно Смерть сердобольная стук! Вздрыгнула мать, оглянулась тревожно... Смерть: „Полно пугаться, мой друг! Бледное утро уж смотрит в окошко... Плача, тоскуя, любя, Ты утомилась, вздремни-ка немножко, Я посижу за тебя. Угломонить ты дитя не сумела. Слаще тебя я спою. -- Мать: „Тише! ребёнок мой мечется, бьётся,	No. 1 - Lullaby A child is groaning... A candle, burning out, Dimly flickers onto surroundings. The whole night, rocking the cradle, A mother has not dozed away with sleep. Early-early in the morning, carefully, on the door Compassionate Death -- Knock! The mother shuddered, looked back with worry... Death: "Don't get frightened, my dear! Pale morning already looks in the window... With crying, anguishing and loving You have tired yourself, have a little nap, I'll sit instead of you. You've failed to pacify the child. I'll sing sweeter than you" -- Mother: "Quiet! My child rushes and struggles,
--	---

Душу терзая мою! -- Смерть: „Ну, да со мною он скоро уймётся. Баюшки, баю, баю. -- Мать: „Щёчки бледнеют, слабеет дыхание... Да замолчи-же, молю! -- Смерть: „Доброе знаменье, стихнет страданье, Баюшки, баю, баю. -- Мать: „Прочь ты, проклятая! Лаской своею сгубишь ты радость мою! -- Смерть: „Нет, мирный сон я младенцу навею. Баюшки, баю, баю. -- Мать: „Сжался, пожди допевать хоть мгновенье, Страшную песню твою! -- Смерть: „Видишь, уснул он под тихое пенье. Баюшки, баю, баю. --	Tormenting my soul!" Death: "Well, with me he'll soon be appeased. Lullaby, lullaby, lullaby." -- Mother: "The cheeks are fading, the breath is weakening... Be quiet, I beg you!" -- Death: "That's a good sign, the suffering will quieten, Lullaby, lullaby, lullaby." -- Mother: "Be gone, you damned thing! With your tenderness you'll kill my joy!" -- Death: "No, a peaceful sleep I'll conjure up for the baby. Lullaby, lullaby, lullaby." -- Mother: "Have pity, wait at least for a moment with finishing your awful song!" -- Death: "Look, he fell asleep with my quiet singing. Lullaby, lullaby, lullaby."
02 - Серенада Нега волшебная, ночь голубая, Трепетный сумрак весны. Внемлет, поникнув головкой, больная Шопот ночной тишины. Сон не смыкает блестящие очи, Жизнь к наслажденью зовёт, А под окошком в молчаньи полночи Смерть серенаду поёт: Смерть: „В мраке неволи суровой и тесной Молодость вянет твоя; Рыцарь неведомый, силой чудесной Освобожу я тебя. Встань, посмотри на себя: красотой Лик твой прозрачный блестит, Щёки румяны, волнистой косою Стан твой, как тучей обвит. Пристальных глаз голубое сиянье,	No. 2 - Serenade Magical languor, blue night, Trembling darkness of spring. The sick girl takes in, with her head dropped, The whisper of the night's silence. Sleep does not close her shining eyes, Life beckons towards pleasures, Meanwhile under the window in the midnight silence Death sings a serenade: Death: "In the gloom of captivity, severe and stifling, Your youth is fading away; A mysterious knight, with magic powers I'll free you up. Stand up, look at yourself: with beauty Your translucent face is shining, Your cheeks are rosy, with a wavy plait Your figure is entwined, like with a cloud. The blue radiance of your piercing eyes

Ярче небес и огня; Зноем полуденным веет дыханье... Ты обольстила меня. Слух твой пленился моей серенадой, Рыцаря шопот твой звал, Рыцарь пришёл за последней наградой: Час упоенья настал. Нежен твой стан, упоителен трепет... О, задушу я тебя В крепких объятьях: любовный мой лепет Слушай!... молчи!... Ты моя! --	Is brighter than skies and fire. Your breath flutters with the midday heat ... You have seduced me. Your hearing is captured with my serenade, Your voice called for a knight, The knight has come for the ultimate reward; The hour of ecstasy has arrived. Your body is tender, your trembling is ravishing... Oh, I'll suffocate you in my strong embraces: listen to my seductive chatter! ... be silent!... You are mine!"
03 - Трепак Лес да поляны, безлюдье кругом. Вьюга и плачет и стонет, Чуется, будто во мраке ночном, Злая, кого-то хоронит; Глядь, так и есть! В темноте мужика Смерть обнимает, ласкает, С пьяненьким пляшет вдвоём трепака, На ухо песнь напевает: Смерть: Ой, мужичок, старичок убогой, Пьян напился, поплёлся дорогой, А мятель-то, ведьма, поднялась, выиграла. С поля в лес дремучий невзначай загнала. Горем, тоской да нуждой томимый, Ляг, прикорни, да усни, родимый! Я тебя, голубчик мой, снежком согрею, Вкруг тебя великую игру затею. Взбей-ка постель, ты мятель-лебёдка! Гей, начинай, запевай погодка! Сказку, да такую, чтоб всю ночь тянулась, Чтоб пьянчуге крепко под неё заснулось! Ой, вы леса, небеса, да тучи, Темь, ветерок, да снежок летучий! Свейтесь пеленою, снежной, пуховою; Ею, как младенца, старичка прикрою... Спи, мой дружок, мужичок счастливый, Лето пришло, расцвело! Над нивой солнышко смеётся да серпы глянут, Песенка несётся, голубки летают..."	No. 3 - Trepak Forest and glades, no one is around. A snowstorm is crying and groaning, It feels as in the gloom of the night The Evil One is burying someone; Hush, it is so! In the darkness Death is hugging and caressing an old man, With the drunkard She is dancing a trepak, While singing a song into his ear: Death: "Oh, my little wretched man, Got drunk, stumbled along the road, But the witch-blizzard has risen furiously, And driven you from the glade into the dense forest. Tortured with anguish and need, Lie down, curl up and fall asleep, my dear! I'll warm you up with snow, my darling, And stir up a great game around you. Shake up the bed, you blizzard-swan! Hey, get going, start chanting, you weather A fairytale, that could last all night, So that the drunkard could fall asleep soundly! Hey you, forests, skies and clouds, Gloom, wind and fleeting snow, Wreathe into a shroud, snowy and fluffy; With it I'll cover our old man, like a baby... Sleep, my little friend, happy wretch, The summer has come and blossomed! Above the fields the sun is laughing and sickles roam, The song hovers around; the doves are flying about..."

04 - Полководец

Грохочет битва, блещут брони,
Орудья жадные ревут,
Бегут полки, несутся кони
И реки красные текут.
Пылает полдень, люди бьются;
Склонилось солнце, бой сильнее;
Закат бледнеет, но дерутся
Враги все яростней и злей.
И пала ночь на поле брани.
Дружины в мраке разошлись...
Всё стихло, и в ночном тумане
Стенанья к небу поднялись.
Тогда, озарена луною,
На боевом своём коне,
Костей сверкая белизною,
Явилась смерть; и в тишине,
Внимая вопли и молитвы,
Довольства гордого полна,
Как полководец место битвы
Кругом объехала она.
На холм поднявшись, оглянулась,
Остановилась, улыбнулась...
И над равниной боевой
Раздался голос роковой:
Смерть:
„Кончена битва! я всех победила!
Все предо мной вы смирились, бойцы!
Жизнь вас поссорила, я помирила!
Дружно вставайте на смотр, мертвецы!
Маршем торжественным мимо пройдите,
Войско моё я хочу сосчитать;
В землю потом свои кости сложите,
Сладко от жизни в земле отдыхать!
Годы незримо пройдут за годами,
В людях исчезнет и память о вас.
Я не забуду и громко над вами
Пир буду править в полуночный час!
Пляской тяжёлою землю сырую
Я притопчу, чтобы сень гробовую
Кости покинуть вовек не могли,
Чтоб никогда вам не встать из земли! --

No. 4 – The Field marshal

The battle is thundering, the armour is shining,
Copper cannons are roaring,
The troops are running, the horses are rushing
And red rivers are flowing.
The midday is blazing -- people are fighting,
The sun is declining -- the fight is stronger,
The sunset is fading away -- but the enemies
Are still battling more fierce and hateful.
And night has fallen on the battlefield.
The armies have parted in the darkness...
Everything has fallen quiet, and in the night's mist
The groans have risen to the heavens.
Then, illuminated by moonlight,
On her battle horse,
Shining with the whiteness of her bones,
Appeared Death; and in the silence,
Taking in moans and prayers,
Full of proud satisfaction,
Like a field marshal she circled around
The place of battle,
And having ridden to the top on the hill,
looked around, stopped, smiled....
And above the battlefield
Roared her fateful voice:
Death:
"The battle is finished! I won over everyone!
You all submitted before me, soldiers!
Life has made you quarrel, I have reconciled you!
Stand up as one for the parade, corpses!
Pass in front of me in a pompous march,
I want to count my troops;
Then deposit your bones into the earth,
It is sweet to rest from life in the ground!
Year after year will pass,
And even the memory of you will disappear.
I will not forget and loudly above you
Will hold a feast at the midnight hour!
With a heavy dance I'll trample
The raw earth, so that the realm of the grave
Your bones will never be able to leave,
So that you'll never rise from the ground!"

Schubert's *Ave Maria*

Ave Maria
 Gratia plena
 Maria, gratia plena
 Maria, gratia plena

Hail Mary
 Full of grace
 Mary, full of grace
 Mary, full of grace

Ave, ave Dominus
 Tecum
 Benedicta tu in mulieribus
 Et Benedictus

Hail, Hail, Lord
 with you
 Blessed are you among women
 And blessed

Benedictus fructus ventris tui
 Ventris tui, Jesus
 Ave Maria

Blessed is the fruit of thy womb
 Your belly, Jesus
 Hail Mary

Ave Maria
 Mater Dei
 Ora pro nobis peccatoribus
 Ora pro nobis, Ora, ora pro nobis peccatoribus

Hail Mary
 Mother of God
 Pray for us sinners
 Pray for us, Pray, pray for us sinners

Nunc et in hora mortis
 Et in hora mortis nostrae
 Et in hora mortis nostrae
 Et in hora mortis nostrae
 Ave Maria

Now and at the hour of our death
 And at the hour of our death
 And at the hour of our death
 And at the hour of our death
 Hail Mary

Ave Maria
 Gratia plena
 Maria, gratia plena
 Maria, gratia plena

Hail Mary
 Full of grace
 Mary, full of grace
 Mary, full of grace

Ave, ave Dominus
 Tecum
 Benedicta tu in mulieribus
 Et Benedictus

Hail, Hail, Lord
 with you
 Blessed are you among women
 And blessed

Benedictus fructus ventris tui
 Ventris tui, Jesus
 Ave Maria

Blessed is the fruit of thy womb
 Your belly, Jesus
 Hail Mary